

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Василий Николаевич Карпов

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 2. С. 230-247.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КАРПОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ)

Василій Николаевичъ Карповъ родился 2 апрѣля 1798 г. въ извѣстномъ селѣ *Хрънавомъ* воронежской губерніи, бывшемъ имѣніи графини Орловой. Первоначальнымъ воспитателемъ его былъ его отецъ, священникъ этого села; съ ранней юности родитель внушалъ сыну религіозныя понятія и правила нравственности. „Въ системѣ воспитанія,“ — пишетъ одинъ знакомый (1) *Василія Николаевича*—безъ сомнѣнія со словъ покойнаго, — „играло большую роль пріученіе ребенка къ труду; учился онъ не по правиламъ новѣйшей педагогіи; картинокъ для нагляднаго знакомства съ міромъ, моделей, разныхъ развивающихъ игръ и увеселеній не было: ребенокъ учился читать по букварю и учился не забавляясь, а трудясь, принуждая себя... Этотъ то первоначальный трудъ и приготовилъ въ немъ будущаго полезнаго труженика въ области науки. Физическое воспитаніе ребенка тоже не было въ пренебреженіи, но оно было такъ же естественно и разумно, какъ и воспитаніе нравственное. Ребенокъ не былъ удаленъ отъ

(1) Д. Щегловъ „Годосъ“ 1867 г. № 348. Некрологъ.

той сферы, въ которой жило его семейство, рано узналъ экономическій бытъ своей среды и принималъ участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ отца. Покойный Василій Николаевичъ рассказывалъ, что съ раннихъ лѣтъ онъ любилъ и умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ; отецъ нерѣдко посылалъ его въ поле къ рабочимъ, въ степь за нѣсколько верстъ; и двѣнадцатилѣтній ребенокъ съ умѣньемъ исполнялъ даваемые ему порученія, вознаграждая себя тѣмъ, что имѣлъ случай поскакать по степному раздолью“.

Мы не имѣемъ возможности день за день прослѣдить послѣдующую жизнь покойнаго профессора. Еще въ Воронежской семинаріи, гдѣ онъ обучался, у него зародилась любовь къ философіи. Сѣмена этой любви посѣялъ въ немъ одинъ изъ профессоровъ Воронежской семинаріи, жаркій послѣдователь Шеллинга, протоіерей *И. Я. Зацѣпинъ*. *Г. Щеловъ* о Зацѣпинѣ сообщаетъ слѣдующій рассказъ: „ему было уже около 50 лѣтъ и онъ давно самъ преподавалъ философію, когда во вновь открытый тогда Харьковскій Университетъ пріѣхалъ извѣстный нѣмецкій философъ Шада, въ качествѣ профессора. Почтенному протоіерею очень хотѣлось выслушать курсъ у Шада, и онъ сталъ просить годовой отпускъ съ этой цѣлю. Начальство нашло это желаніе излишнимъ, но протоіерей—философъ не уступалъ и наконецъ достигъ своей цѣли, отправился въ Харьковъ и выслушалъ курсъ философіи у Шада“. Въ семинаріи очень пригодились Василью Николаевичу любовь къ труду и привычка принуждать себя къ занятіямъ, пріобрѣтенныя имъ еще дома подъ руководствомъ отца: онъ всегда здѣсь былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. „Я помню Василія Николаевича Карпова“,—пишетъ его

землякъ (1), „когда онъ былъ еще воспитанникомъ Воронежской семинаріи. И тогда выдавался онъ изъ среды своихъ товарищей; и тогда намъ дѣтямъ показывали на него, какъ на человѣка, заслуживающаго особенное вниманіе. Какъ теперь вижу я его въ длинномъ, нанковомъ сюртукѣ, съ тетрадами подъ мышкой, большими шагами идущаго мимо убогихъ аудиторій духовнаго училища, въ которомъ мы зябли и прозябали, приготовляя себя на дѣло и дѣланіе наше, еще ни передъ кѣмъ изъ насъ не рисовавшееся полно и отчетливо. Безпечныя, но небезмысленныя дѣти, мы съ благоговѣніемъ смотрѣли на такихъ людей, какъ Карповъ, прозорливо провидя въ ихъ нашихъ будущихъ наставниковъ и руководителей, понимая, что и намъ придется со временемъ задаться тѣми же вопросами, какіе положили печать такой думы на ежедневно проходившаго предъ нами человѣка“.

Изъ Воронежской семинаріи онъ былъ назначенъ для дальнѣйшаго образованія въ Кіевскую Д. Академію, въ составъ втораго ея курса; первый курсъ далъ Россіи знаменитаго церковнаго проповѣдника — преосвященнаго херсонскаго архіепископа *Иннокентія*, второй — самостоятельнаго русскаго мыслителя Василья Николаевича *Карпова*. Кіевская академія первыхъ своихъ наставниковъ получила изъ петербургской академіи; между прочими кафедрѣ философіи въ ней занималъ въ 1821 году первый студентъ втораго курса нашей академіи *И. М. Скворцова*, такъ что В. П. Карповъ былъ для нашей академіи какъ бы уплатой со стороны кіевской за *И. М. Скворцова*. И теперь высшія наши духовныя училища

---

(1) *Домашняя Беседа* № 52, 1867 г.

находятся между собою въ родственномъ союзѣ: союзъ этотъ начался и укрѣпился еще при самомъ основаніи академій московской, кіевской и казанской, которымъ первыхъ паставляковъ и первая программы дала наша академія. Подъ руководствомъ И. М. Свворцова изучалъ Карповъ въ академіи философію и началъ свое философствованіе подъ вліяніемъ Канта; „но не полюбивъ его теоріи нравственнаго долга, обратился къ древнему Платону, который съ тѣхъ поръ сдѣлался любимымъ его философомъ“. Какъ добросовѣстно изучалъ онъ этого великаго мыслителя древности и съ какимъ уваженіемъ относился къ нему,— это доказывается между прочимъ тѣмъ, что, не довольствуясь употребленіемъ его собственно для себя, онъ передалъ его въ прекрасномъ русскомъ переводѣ. Тутъ онъ, по его собственнымъ словамъ, „предсталъ на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ, какъ критикъ, и отчасти какъ комментаторъ платоновыхъ сочиненій, и къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Такимъ образомъ русская литература обогатилась единственно—лучшимъ переводомъ сочиненій Платона... Рѣшимость Карпова перевести сочиненія Платона и издать ихъ на свой счетъ въ четырехъ большихъ томахъ (пятый—последній переведенъ, но покойный не успѣлъ просмотрѣть его окончательно) доказываетъ лишь искреннюю любовь его къ наукѣ, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Честный и безкорыстный труженикъ утѣшенъ былъ тѣмъ, что трудъ его обратилъ на себя Высочайшее вниманіе и удостоевъ былъ соответственной награды (1)“. Въ Кіевской академіи онъ окончилъ

(1) Домашняя Бес. № 52.

курсъ въ 1825 году. Землякъ его въ некрологѣ, изъ котораго мы привели уже двѣ выдержки, рассказываетъ слѣдующій случай, бывший съ Карповымъ на выпускномъ экзаменѣ. „Имя Карпова“, читаемъ въ Домашней Бесѣдѣ, „было для насъ предметомъ уваженія и тогда, когда его ужъ не было между нами (т. е. въ Воронежской семинаріи), когда онъ поступилъ въ Кіевскую Д. академію и потомъ кончилъ курсъ тамъ блистательнымъ образомъ. Мы съ нѣкоторою гордостью прислушивались къ доносившимся до насъ толкамъ, что Карповъ на выпускномъ экзаменѣ „сразился“ съ митрополитомъ Евгениемъ и былъ между прочимъ причиною того, что разгнѣванный архипастырь оставилъ на цѣлые два года весь *второй* академическій курсъ безъ соотвѣтствующихъ ученыхъ степеней. Чтобы сразиться съ Евгениемъ, нужно было много ума, а еще болѣе смѣлости,—и Карповъ, *пятый* по разрядному списку, стоялъ первымъ во мнѣніи нашемъ“.

По окончаніи академическаго курса Карповъ опредѣленъ былъ учителемъ въ Кіевскую Духовную семинарію по классамъ греческаго и нѣмецкаго языковъ (30 дек. 1825 г.); 6 января 1826 г. ему поручено завѣдываніе семинарскою библіотекою; 1827 г. 29 ноября утвержденъ въ степени магистра; 1829 года октября 26 дня переведенъ въ Кіевскую Д. Академію на должность бакалавра французскаго языка, при чемъ объявлена ему отъ Комиссіи духовныхъ училищъ благодарность за успѣшное прохожденіе профессорской должности при семинаріи. Съ 10 марта 1831 г. по январь 1832 г. онъ исправлялъ должность бакалавра философскихъ наукъ въ той же академіи; въ январѣ 1832 г. утвержденъ въ этой должности. Въ декабрѣ 1831 года за усердную

службу при академіи объявлено ему одобрение Комиссіи духовныхъ училищъ. Въ маѣ 1833 г. послѣ того, какъ онъ овдовѣлъ отъ перваго брака, онъ по прошенію уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, а въ октябрѣ того же года перемѣщенъ въ петербургскую духовную академію, куда онъ и отправился съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ, впоследствии студентомъ нашей академіи, скончавшимся предъ окончаніемъ курса въ 1855 году. На покрытіе дорожныхъ издержекъ при переѣздѣ и за успѣшное прохожденіе должности бакалавра при кievской академіи получилъ награду въ 500 руб. ассигн. (1833 г. 27 окт.).

Жизнь ученаго или поэта не то что жизнь государственнаго человѣка или полководца; кабинетныя занятія первыхъ, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ жизнь ихъ, бываютъ полны думъ и мечтаній, радостей и страданій; но такая скромная, уединенная жизнь ихъ, сама по себѣ составляя подвигъ и подвигъ великій, лишена бываетъ тѣхъ потрясающихъ, частныхъ подвиговъ, перечисленіе которыхъ доставляетъ такой интересъ некрологамъ и біографіямъ общественныхъ дѣятелей. Послужной списокъ В. П. Карпова весьма однообразенъ; тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся посредствомъ печати сохранить его для потомства; быть можетъ будущій историкъ просвѣщенія въ Россіи найдетъ въ немъ драгоценныя данныя для сравнительныхъ выводовъ и заключеній.

Въ 1834 году онъ опредѣленъ былъ бібліотекаремъ нашей Академіи, въ 1835 г. за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Съ 24 мая по 7 октября 1835 г. исправлялъ должность профессора философскихъ наукъ; 7 октября этого года прямо изъ бакалавровъ,

минуя званіе экстраординарнаго профессора, онъ удостоенъ былъ званія ординарнаго профессора. Въ 1837 г. (7 мая) за выслугу лѣтъ произведенъ въ надворные совѣтники; въ томъ же году за приведеніе въ порядокъ академической библіотеки изъявлена ему отъ Академическаго Правленія благодарность. Въ 1838 г. (30 дек.) за выслугу лѣтъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1839 г. (27 сент.), за усердную службу объявлено ему благословеніе Св. Синода. Въ 1840 году (іюня 12) за шестилѣтнюю исправную и усердную службу при здѣшней академіи награжденъ годовымъ окладомъ профессорскаго жалованья 858 р. Въ 1841 г. (6 окт.) объявлено ему благословеніе Св. Синода. Въ 1842 г. (25 іюля) получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ 1843 г. (іюня 25) за выслугу лѣтъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и того же года (23 дек.) поручено ему вмѣсто философіи преподавать исторію философіи. Въ 1846 году (22 авг.) объявлена ему признательность Святѣйшаго Синода. Въ 1847 г., за усердное исправленіе должности выбывшаго наставника греческаго языка, выдана ему половина оставшагося по сей должности жалованья—265 р. 15 к., и награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ 1849 г. въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (мая и іюня) безмездно исправлялъ должность профессора физико-математическихъ наукъ. Въ 1851 г. за ревность и особые труды по службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ знаками ордена Св. Анны 3-й степени (6 апр.), и въ томъ же году объявлена ему признательность начальства (2 окт.). Въ 1852 г. (22 авг.) пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. Въ 1853 г. за исправленіе должности выбывшаго профессора физики, почти

въ теченіи полугода, выдано ему оставшееся по сей должности жалованье въ количествѣ 426 р. 62 к.; въ томъ же году за приемъ книгъ изъ Императорской Публичной Библіотеки, переданныхъ въ духовное вѣдомство, и за выборъ изъ числа ихъ нужныхъ для здѣшней академіи и семинаріи, получилъ въ награду 100 руб. (10 мая); іюня 26 того же года въ награду отлична усердной службы и особыхъ трудовъ Всемиловѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й ст.; сент. 11 за исправленіе должности профессора физики въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ выдано ему 225 р. 3 к.; 25 ноября объявлено благословеніе Св. Синода. Въ 1854 году по прошенію уволенъ отъ должности бібліотекаря (23 февр.) и въ награду за 20-ти-лѣтнее прохожденіе этой должности получилъ годовой окладъ—200 р. 20 к. Въ 1855 г. опредѣленъ членомъ Духовно-цензурнаго Комитета (10 мая); по представленію Высокопреосвященнаго митрополита Никанора выдано ему въ награду за ревностные труды— 250 руб. (21 дек.). Въ 1857 г., по уваженію къ полезнымъ его трудамъ по преподаванію философскихъ наукъ въ академіи, Всемиловѣйше удостоенъ прибавки къ получаемому имъ жалованью по должности профессора 500 р. с. въ годъ (6 апрѣля); по случаю поднесенія Его Императорскому Величеству изданной имъ „Логики“ Всемиловѣйше пожалованъ ему подарокъ по чину въ 429 руб. (іюля 15); въ томъ же году (авг. 22) получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ и по случаю преобразованія духовно-цензурнаго комитета уволенъ отъ должности цензора (23 дек.). Въ 1858 году поручено ему, кромѣ логики и психологіи, преподаваніе исторіи философіи съ Канта (январ. 2). Въ ознаменованіе празднованія пяти-

десятилѣтія академіи въ 1859 году пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (февр. 9); въ томъ же году по вниманію къ долговременной усердной и полезной службѣ выдано ему въ единовременное пособіе 429 руб. (22 августа). Въ 1860 г. ему поручено было обозрѣніе полоцкой духовной семинаріи и училища по всѣмъ частямъ управленія (іюня 1). Въ 1861 г. назначенъ членомъ Внутренняго Академическаго Правленія (18 марта) и Всемиловѣйше удостоенъ прибавочнаго жалованья вмѣсто 500 р. по 858 р. въ годъ (мая 15); въ томъ же году командированъ въ Пермь по дѣламъ службы (іюля 26) для изслѣдованія проявленій социалистическо-матеріалистическаго направленія въ тамошней семинаріи. Въ 1862 г. пожалованъ знаками ордена Св. Владиміра 3-й степени (19 мая); въ слѣдующемъ году обозрѣвалъ здѣшнюю семинарію и александровское училище по всѣмъ частямъ управленія. Въ 1864 году получилъ благословеніе Св. Синода (4 ноября). Въ 1866 г. ему пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XI лѣтъ. Въ 1867 г., по случаю поднесенія Государю Императору изданныхъ имъ четырехъ томовъ сочиненій Платона въ русскомъ переводѣ, удостоился получить Высочайшій подарокъ въ 858 рублей. Въ семействѣ его остались: жена, сынъ и шесть дочерей, изъ которыхъ три несовершеннолѣтнія.

Вотъ и весь послужной списокъ В. Н. Карпова; мы не станемъ дѣлать никакихъ выводовъ, предоставляя это дѣло будущимъ историкамъ. Сорокъ два года жизни профессора, полной думъ, душевныхъ тревогъ, сладкихъ вдохновеній, горькихъ разочарованій, сорокъ два года кабинетнаго самаго упорнаго и усидчиваго труда заняли въ нашемъ изложеніи нѣсколько десятковъ печатныхъ

строкъ: такова впрочемъ участь ученыхъ мыслителей во всѣ времена. Ихъ жизнь—совершается внутри ихъ и незрима міру; ихъ подвиги—подвиги духа, не поражающіе особеннымъ блескомъ современниковъ, но отличающіеся несокрушимомъ прочностію въ потомствѣ; ихъ сочиненія -- вотъ источникъ для ознакомленія съ ихъ личною жизнью и дѣятельностію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами сочиненій: 1) „Систематическое изложеніе Логикѣ“ и 2) „Сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ“ (четыре тома), Василій Николаевичъ оставилъ: 3) „Введеніе въ философію;“ 4) переводъ „Исторіи философіи Риттера“ (первый томъ). Кромѣ того подъ его редакціею издано академіею четыре тома перевода Византійскихъ Историковъ, именно: 5) „Врѣенія;“ 6) „Киннама;“ 7) „Анны Комниной“ и 8) „Пахимера“. Участвуя въ изданіи Христіанскаго Чтенія, онъ напечаталъ здѣсь много оригинальныхъ статей, напримѣръ „Взглядъ на новѣйшій германскій раціонализмъ“ (1859 г.), „Философскій раціонализмъ новѣйшаго времени“ (1860) (продолженіе послѣднихъ статей печаталось въ Странникѣ), и, какъ редакторъ перевода писаній Отцовъ Церкви и древнихъ Церковныхъ историковъ, печатавшагося при „Христіанскомъ Чтеніи“, онъ проредактировалъ по крайней мѣрѣ десять томовъ (каждый не менѣе 25 печатныхъ листовъ). Кромѣ того въ прежніе годы онъ напечаталъ значительное число монографій и статей въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Плюшара, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ „Провидѣяхъ“, въ „Чтеніи для дѣтей“, въ послѣднее время въ „Странникѣ“, въ редакціи котораго нѣсколько послѣднихъ лѣтъ принималъ дѣятельное участіе. Приготовлялъ къ печати, кромѣ послѣдняго тома Платона, переводъ

„Евангельскаго Приготовленія“ Евсевія (большіе два тома). Вообще если соединить всё оригинальныя сочиненія и статьи, всё переведенныя или редактированныя имъ сочиненія, то число печатныхъ листовъ будетъ не меньше 600. Если мы къ этому присоединимъ собственноручныя его записки для студентовъ академіи по философіи, по исторіи философіи, по логикѣ и психологіи, конспекты, собственноручно писанныя имъ разныя мнѣнія и заключенія, представлявшіяся въ правленіе, въ конференцію, высшему начальству: то количество исписанныхъ имъ въ 42 года своей службы листовъ бумаги возрастетъ до поразительной, громадной цифры. Тутъ поразителенъ даже одинъ механическій трудъ переписчика. Не даромъ въ послѣдніе годы многодѣльная и многоработавшая перомъ правая рука его тряслась и онъ съ трудомъ расписывался въ полученіи жалованья, а одинъ разъ, именно нынѣшнимъ лѣтомъ, когда онъ пріѣхалъ подписать адресъ отъ академіи покойному митрополиту Филарету, нужно было ему минутъ десять растирать руку холодною водою, прежде, чѣмъ онъ могъ взять перо для написанія своего имени и фамиліи. Физическіе органы, особенно упражняемые людьми учеными, прежде другихъ—собственно духовныхъ—способностей, измѣнили Василью Николаевичу, не выдержавъ сорокадвухлѣтней ежедневной усиленной практики. „Какъ досадно“, не разъ говорилъ онъ шипущему эти строки, при роспискѣ въ полученіи жалованья, „какъ досадно бываетъ часто на эту руку; душа-то бодрa, и мысль работаетъ, и писать хочется, да вотъ рука-то не пишетъ, не слушается; часа четыре, пять попишешь, она деревенеѣтъ и въ пальцахъ ломъ, разотрешь—ничего, а на утро опять не можетъ держать пера, пока

не распишется. Эхъ, старость, старость!“ — тоскливо восклицалъ онъ въ заключеніе. При соображеніи огромнаго количества исписанныхъ Васильемъ Николаевичемъ листовъ, какъ объясненіе этого факта невольно припоминается намъ многократно сдѣланное нами наблюденіе. Когда онъ жилъ въ лаврскомъ домѣ, путь въ академію послѣ десяти часовъ вечера лежалъ мимо его кабинета, окно котораго выходило на улицу: и сколько разъ случилось возвращаться въ два и три часа ночи, когда огни вездѣ подъ лаврой, обыкновенно, погашены, въ кабинетѣ нашего профессора, смотришь, еще горитъ свѣча — одинокій свидѣтель его трудовъ. Такъ онъ трудился до послѣдняго великаго поста, когда почувствовалъ, что „елей жизни его догораетъ“ и что трудъ, положенный человѣку въ наказаніе, не можетъ уже быть переносимымъ имъ во всей строгости и полнотѣ прежнихъ лѣтъ... Никто не скажетъ, что это наказаніе, положенное Творцомъ, не выполнено нашимъ профессоромъ.

Въ ночи съ 2 на 3 декабря достойно удивительный труженникъ почилъ отъ трудовъ своихъ; мнѣ случилось быть у него за два дня до смерти его; силы физическія были уже весьма слабы, онъ едва и то на одно мгновеніе могъ приподняться на постели, слова выговаривалъ онъ съ трудомъ, но все, что онъ говорилъ, свидѣтельствовало, что сознаніе его полно, что онъ все, даже мелочи, хорошо помнитъ; онъ между прочимъ сказалъ, что казенныя книги у него собраны, пусть академія не беспокоится, что больше никакихъ порученій онъ мнѣ не имѣетъ сдѣлать. „Съ чувствомъ истиннаго христіанина и съ твердостію философа видѣлъ онъ приближеніе послѣднихъ минутъ своей жизни“ и во время послѣдней болѣзни два раза приобщился Святыхъ Таинъ.

Днемъ выноса сперва назначено было 5-е, а погребенія 6-е декабря; но въ слѣдствіе многочисленныхъ заявленій со стороны петербургскаго духовенства о своемъ желаніи участвовать въ стѣпаніи покойнаго профессора и въ невозможности исполнить это желаніе въ праздникъ Св. Николая Чудотворца, дни выноса и погребенія были переимѣнены. Въ сумерки 6-го декабря преосвященный *Палладій*, епископъ ладожскій, вмѣстѣ со многими священнослужителями совершилъ выносъ тѣла изъ квартиры покойнаго въ академическую церковь; въ скорбномъ шествіи участвовали наставники и студенты академіи, родные и знакомые покойнаго, — толпа была довольно значительная. Во время литіи въ академической церкви одинъ изъ воспитанниковъ покойнаго, священникъ *Александръ В. Гумилевскій* произнесъ теплую, полную искренней признательности къ почившему наставнику, рѣчь. Къ шести часамъ церковь академическая опустѣла; видѣлся только въ ней, слабо освѣщенной, гробъ почившаго русскаго мудреца, очередной студентъ, читавшій тихимъ голосомъ молитвенныя славословія и воздыханія боговдохновеннаго израильскаго мудреца и поэта, да два студента академіи съ карандашемъ и бумагой въ рукахъ, снимавшіе съ лежавшаго среди храма праха своего наставника посмертный портретъ, да еще дежурный сторожъ... Два раза я заходилъ въ церковь: и въ оба раза торжественная картина возбуждала въ душѣ тысячи воспоминаній, представленій и ощущеній самыхъ ободряющихъ и утѣшительныхъ. Надъ безмолвнымъ прахомъ нашего современнаго учителя читались уроки мудрости, вздохи покаянія и благоговѣйныя пѣнопѣнія царственнаго израильскаго учителя, отдаленнаго отъ насъ на три слишкомъ тысячи лѣтъ и не пе-

рестающаго между тѣмъ поучать поколѣнія, преемственно являющіяся и исчезающія на землѣ. Безсмертіе— осязательно ясно видѣлось въ этой дивной картинѣ; при гробѣ жаркаго проповѣдника истины безсмертія слышались вѣчно-безсмертныя пѣснопѣнія; къ идеѣ безсмертія приводили мысль и студенты, хлопотавшіе объ увѣковѣченіи облика своего наставника; являлась мысль и о собственной смерти, но она рѣшительно не имѣла пугающаго свойства... Возбужденная фантазія безстрашно и быстро летала по всемірно-историческому кладбищу, вызывая къ жизни то того, то другаго труженика мысли...

Въ 10 часовъ утра 7 декабря академическая, довольно просторная, церковь стала наполняться народомъ, котораго въ полѣ-обѣдни набралось уже столько, сколько небываетъ въ ней въ самые большіе праздники, исключая Пасхи. Обѣдню совершалъ преосвященный Палладій; высокопреосвященный Нектарій, самъ по болѣзни не могшій почтить своимъ участіемъ скорбное торжество своего бывшаго сослуживца, обязательно прислалъ своего прогодіакона и свой прекрасный хоръ пѣвчихъ: студенты пѣли на лѣвомъ клиросѣ. На отпѣваніе вышло болѣе 40 архимандритовъ и священниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ не облачались и не выходили, по невозможности помѣститься. „И собрались они благодарные“, скажемъ словами одного изъ присутствовавшихъ при погребеніи, „дать послѣднее цѣлованіе умершему профессору, помолиться соборнѣ о упокоеніи труженической души его,—и великъ былъ сонмъ близкихъ къ престолу Божию молитвенниковъ! Убѣленные сѣдинами и не преступившіе еще за половину предѣла жизни человѣческой... стояли они длинными, уходившими въ самый алтарь, рядами вокругъ гроба, который вмѣ-

щаль въ себѣ брѣнные останки великаго учителя. Это было отпѣваніе не простаго мірянина, ибо сами служители алтаря пѣли канонъ и трогательнѣйшую изъ духовныхъ пѣсней: *со святыми упокой*; сами возглашали вдохновенный плачь Св. Дамаскина, *рыдавшю* надъ обезображенною *красотою* челоуѣка, *созданнаю по образу Божию*... Гробъ изъ церкви на новое кладбище Невскаго монастыря, избранное мѣстомъ погребенія, несли на рукахъ большею частію священники и профессору— всѣ ученики покойнаго. Съ могилы видѣются и лаврскій домъ, въ которомъ прожилъ покойный большую часть своего профессорства, и академія, которой онъ посвятилъ половину своей жизни. Наканунѣ 40-го дня студенты академіи обоихъ курсовъ обратились къ начальству академіи съ просьбою о дозволеніи имъ присутствовать при заупокойной литургіи и панихидѣ: конечно въ этой благородной просьбѣ имъ не было отказано.

7-го декабря—въ день похоронъ—ректоръ духовной академіи протоіерей *Іоаннъ Ямышевъ* за обѣдней сказалъ надгробное слово, во время отпѣванія экстраорд. профессоръ *Андрей Предтеченскій* и студентъ *Василій Перетерскій* произнесли надгробныя рѣчи. И слово и рѣчи читатель найдетъ дальше въ этой книжкѣ. Гробъ уже спустился по лѣстницѣ на площадку у главнаго входа въ академію; шествіе остановилось, чтобы начать литію. Неожиданно для всѣхъ послышался тотъ громовый голосъ, которымъ обладали немногіе народныя и парламентскіе ораторы, но который, когда онъ соединяется съ силой ума, съ глубиною чувства и съ даромъ импровизаціи, производитъ потрясающее дѣйствіе на слушателей. Такое именно дѣйствіе произвела на всѣхъ

рѣчь сказанная здѣсь землякомъ покойнаго, бывшимъ профессоромъ кievской духовной академіи *В. И. Аскоченскимъ*. Едва ли кто изъ присутствовавшихъ не былъ глубоко, до слезъ взволнованъ при задушевныхъ, но сильныхъ словахъ воодушевленнаго оратора: мужчины еще сдержались, только провели пальцами по глазамъ, а дамы—тѣ положительно зарыдали навзрыдь.

Мы воздержимся отъ характеристики покойнаго профессора. Слово и рѣчи, которыя печатаются ниже, представляютъ читателю достаточно данныхъ для вѣрнаго представленія личности Карпова и характера его дѣятельности. Но въ заключеніе позволимъ себѣ привести здѣсь изъ „*Биржевыхъ Вѣдомостей*“ слѣдующія строки, написанныя человекомъ, весьма близко знавшимъ и общественную и частную жизнь Василья Николаевича и знакомымъ съ его родственными и семейными правилами:

„Существенною, отличительною чертою покойнаго профессора, сказано въ этой газетѣ, былъ, по нашему мнѣнію, оправдываемому общимъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ нему всѣхъ знавшихъ его, его высокой *нравственно-религіозный характеръ*, покрывавшій и дѣлавшій иногда какъ будто незамѣтными всѣ остальные его достоинства. Онъ никогда не хотѣлъ казаться ни философомъ, ни профессоромъ, какимъ теперь остается для исторіи, а всегда, на словахъ и на дѣлѣ, хотѣлъ быть и казаться только человекомъ; человекомъ же быть, по его задушевному убѣжденію, значило быть христіаниномъ, и не на словахъ только, и не посвоему разумѣнію христіаниномъ, а на дѣлѣ и по требованію *православной церкви*. И онъ былъ имъ отъ начала до конца сво-

ей 70-лѣтней жизни. Его рѣчь, частная и публичная, отъ предметовъ отвлеченныхъ всегда склонялась къ практикѣ, а практика всегда вкладывалась въ форму церковно-религіозную. Его день всегда начинался и оканчивался молитвою, а продолжался письменнымъ или устнымъ— на каедрѣ—трудомъ, потомъ различными семейными и общественными хлопотами. Хлопоталъ же онъ больше о другихъ, чѣмъ о себѣ и о семьѣ своей. Всѣмъ онъ былъ все, а своимъ служилъ только образцомъ трудолюбія и честныхъ правилъ въ жизни. Во внѣшнихъ сношеніяхъ для него не было ни старшихъ, ни младшихъ, ни учениковъ, ни учителей, хотя почти всѣ его сослуживцы и даже ближайшіе начальники въ послѣднее время были его бывшіе ученики; онъ со всѣми обходился, какъ съ товарищами, и въ то же время, безъ униженія собственнаго достоинства, воздавалъ всѣмъ должное. Въ обращеніи, прежде всего, онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе своимъ твердымъ, разумнымъ и чрезвычайно теплымъ словомъ; за тѣмъ, внушалъ неизмѣнное уваженіе къ себѣ своею неподдѣльною искренностію и благонамѣренностію; наконецъ, совершенно покорялъ себѣ такимъ благородствомъ и рѣшительностію духа, что сейчасъ же готовъ былъ свое слово привести въ дѣло, такъ что въ немъ вовсе не замѣчалось того раздвоенія мысли съ словомъ, а слова съ дѣломъ, которымъ такъ недугуетъ настоящій вѣкъ. Однимъ словомъ, онъ былъ цѣльный, всегда и вездѣ одинаковый и сначала до конца жизни вѣрный себѣ человекъ. А это—кто не признается?—чрезвычайно рѣдкое теперь явленіе! Въ этомъ отношеніи, онъ, кажется намъ, заслуживаетъ не меньшаго, если еще не большаго изученія, чѣмъ и въ отношеніи ученомъ.

Впрочемъ, матеріалы для изученія его въ томъ и другомъ отношеніи почти одни и тѣ же; потому что въ его книжной философіи можно читать философію его жизни, а въ философіи дѣйствительной жизни видѣть и провѣрять его книжную философію. Книжки-то его остались, а въ высшей степени назидательной жизни его уже не стало. — Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ будущій биографъ его долженъ собирать изъ устныхъ и письменныхъ разсказовъ черты его жизни. Въ нихъ онъ найдетъ дополненіе къ изображенію его ученой дѣятельности. Еще остались неизданными многія, стоявшія ему большихъ трудовъ сочиненія. Особенно онъ жалѣлъ предъ смертію, что не окончилъ нѣсколько (одного тома) перевода сочиненій Платона и не издалъ своей психологіи, о чемъ много просили его. Но онъ умеръ съ надеждою, что найдутся продолжатели или, лучше, завершители его дѣла, на которое онъ положилъ всѣ свои силы и *все свои средства*, оставивъ семьѣ въ утѣшеніе только увѣренность, что отъ 42-лѣтняго труда должно же ожидать какого нибудь плода“.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки